

25 лет без Елизаветы Павловны

Большой театр. 2000. — 24088. (125)

Есть в каждом театре такие имена-отчества, которые связаны с определенными крупными личностями, и для того, чтобы понять, о ком идет речь, можно не называть фамилию. Алла Константиновна во МХАТе, Дмитрий Александрович и Александр Борисович — в Музыкальном имени Станиславского и Немировича-Данченко, а в Большом — целое созвездие. Галина Сергеевна и Марина Тимофеевна, Сергей Яковлевич и Иван Семенович,

Марк Осипович и Мария Петровна... Перечень этот можно продолжать и продолжать. И когда говорят «Елизавета Павловна», балетный люд, да и не только балетный, — понимает, что речь идет, конечно же, о Елизавете Павловне Гердт (1891—1975 гг.).

Замечательная балерина, выдающийся педагог — такой она вошла в историю отечественной культуры. Ученица Х. Иогансона, Н. Легата, Э. Чекетти, М. Фокина и Е. Вазем, она танцевала рядом с А. Павловой, Т. Карсавиной, О. Преображенской и, переехав в 1934 г. в Москву, стала как бы связующим звеном между прошлым и настоящим, между петербургской и московской балетной школой, привнесла в московский балет традиции строгой академической классики.

О великолепно поставленных руках самой Елизаветы Павловны ходили легенды: они играли и танцевали, принимали положения изысканной красоты. И позже всех ее учениц отличали красивые руки. Не случайно приехавший впервые в Москву в 1962 г. Дж. Баланчин просил Елизавету Павловну дать класс для его труппы «Нью-Йорк Сити Бале».

Елизавета Павловна преподавала в Хореографическом училище и в Большом театре, сами за себя говорят имена ее воспитанниц — Алла Шелест, Раиса Стручкова, Майя Плисецкая, Виолетта Бовт, Екатерина Максимова.

Вот что писал о школе Елизаветы Павловны Юрий Кондратов: «В чем отличительные черты школы Гердт, ее педагогических принципов? Прежде всего, я бы сказал — в прекрасной, благородной манере танца, где сочетаются покоряющая женственность и строгая академическая постановка корпуса».

Для каждой своей ученицы Елизавета Павловна была не только педагогом, но и Личностью, высоко образованным Художником, воплотившим лучшие

черты русской интеллигенции. Свидетельство тому — высказывания тех, кто считает себя ее ученицами.

«Как педагог Елизавета Павловна не только учила нас, но и воспитывала, всегда старалась привить своим ученикам любовь ко всему прекрасному. И для многих из нас, ее воспитанниц, была не только педагогом, старшим коллегой — она всегда останется светочем знаний, образцом преданности творчеству, ее влияние мы ощущаем и сегодня». Раиса Стручкова.

«Облик балерины и ее человеческую суть определяли культура, достоинство, элегантность...

Ее мягкая манера рук, очаровательный поворот головы — черты уходящего мира, казались неуместными в народившейся эстетике

(речь идет о 20-х гг. — Ред.). Гердт давали понять, что благородство духа, высокий аристократизм нынче не ко двору...

«Обрати внимание на руки, — мягко, не повышая голоса, говорила она. — В классическом танце они окрашивают каждую вариацию в определенный характер, создают стиль». Она показывала, и в ее движениях сквозила чуть холодноватая отрешенность.

Я видела эту легкую, неприужденную игру рук, которые жили своей удивительно свободной жизнью. Каждый учитель отражается в ученике, чем значительнее он сам, тем ярче отражение. Я старалась сделать все, что требовала Елизавета Павловна, но мои движения были уже моими. Гердт говорила,

что одна из истин искусства — единственность твоей личности. И в то же время: «Будешь выходить на сцену, помни — это выходу Я. Что бы ни случилось, сохраняй достоинство». — Потом часто говорили, что в моем танце видна школа Гердт.

Однажды после репетиции Елизавета Павловна попросила меня проводить ее. Было тепло, и мы медленно шли по улице России, когда она вдруг сказала, что переезжает в Москву. Я была потрясена, не могла себе это представить... А Гердт продолжала: «Ты была у меня первой ученицей и дальше будешь первой, не волнуйся. Помни все, что я говорила, а главное — сохраняй достоинство». Алла Шелест.

Елизавета Павловна дружила с музыкантами, писателями, и все они высоко ценили ее живой ум, культуру общения, изысканность.

«Она и в жизни — фея Сирени, — писал Ираклий Андроников, — добрая, строгая, чистая, совершенная в своей преданной вдохновенной любви к театру, к искусству, глубоко убежденная в том, что в танце можно совершать чудеса как в сказке о спящей красавице».

«Я не знаю, каким колдовством вы умудряетесь воплощать в своем облике гениальное изящество, которое так обаятельно для всякого, кому выпадает счастье хоть на мгновение встретиться с вами, — изящество духа, изящество мыслей и чувств», — писал Корней Чуковский.

Взгляните на эти фотографии. В них запечатлен изящный, хрупкий и изысканный облик женщины, балерины, которая оставила яркий след в истории русского балета.